

«По семенам и по праху»: антология «Перевальцы» (1930) как этапное и итоговое коллективное издание

В работе рассмотрена в нескольких аспектах антология, изданная группой «Перевал» в 1930 г.: сравнение с коллективными изданиями других литературных групп, сопоставление со сборниками «Перевал» (1923–1928) и «Ровесники» (1930–1932), а также как сверхтекстовое единство. Отмечено отличие издательской политики «Перевала» от публикационной стратегии других литературных объединений. Не имея своего печатного органа, перевальцы на начальном этапе печатались в журнале «Красная новь»; впоследствии ежегодно выпускались коллективные сборники, отражающие их творческую программу. Концепция сборников менялась с целью достижения большей художественной целостности, уменьшения числа авторов, изменения соотношения поэзии и прозы. В первых «массовых» сборниках преобладает поэзия, но уже в третьем (1925) выделяется трехчастная структура, превалирует проза, появляется раздел литературной критики. С 1930 г. «Перевал» претендует на статус литературной школы на основе общих философско-эстетических принципов, сформулированных А. Лежневым в предисловии к сборнику «Ровесники». Структура антологии (1930) свидетельствует о стремлении подтвердить этот статус. В нее вошли наиболее репрезентативные для каждого автора произведения, характеризующие индивидуальную манеру и отвечающие программным установкам «Перевала». В предисловии говорится о поколении, «детях века», находящихся между прошлым и будущим. Сюжеты и мотивы произведений перекликаются с программным предисловием и между собой, что формирует сверхтекстовое единство. Антология, задуманная как этапная коллективная книга, стала итоговой, поскольку «Перевал» прекратил существование в 1932 г.

Ключевые слова: антология, коллективное издание, Содружество писателей революции «Перевал», русская литература 1920–1930-х годов.

The anthology published by the “Pereval” group in 1930 is considered in the article in several aspects: in comparison with the collective editions of other literary groups (magazines, collections, almanacs); in comparison with the collections “Pereval” (1923–1928) and “Rovesniki” (1930–1932), and also as an over-text unity. The article reveals the difference between the publishing policy of “Pereval” and the publication strategy of other literary associations. Perevaltsy did not have their own magazine, at the initial stage they were published in the magazine “Krasnaya Nov”, and subsequently “Pereval” annually published collective volumes, which determined the creative program of the group. The concept of collections changed in the direction of greater artistic integrity and reducing the number of authors. The correlation between poetry and prose was also different. In the first, “mass” collections poetry prevailed, but in the third collection of 1925 a three-part structure stood out, prose prevailed, and a section of literary criticism appeared. In 1930, “Pereval” began to claim the status of a literary school, formed on the basis of general philosophical and aesthetic principles. The declaration was formulated by A. Lezhnev in the preface to the collection, which was published under a new title — “Rovesniki”. The structure of the anthology published in the same year testifies the intention to confirm this status. It includes the most representative works for each author, which characterize the individual manner and correspond to the program principles of the “Pereval” group. The preface speaks about a generation, the “children of the age”, between the past and the future. Many plots and motifs of the anthology’s works overlap with the program preface and among themselves, forming an over-text unity. The anthology was conceived as a stage collective book, but became the final book because the “Pereval”, like other literary groups, ceased to exist in 1932.

Keywords: anthology, collective edition, Commonwealth of Writers of the Revolution “Pereval”, Russian literature of the 1920–1930s.

Одна из характерных форм существования литературы 1920-х гг. — коллективность, а полемичность эпохи наиболее ярко выразилась в борьбе литературных групп и противостоянии литературных журналов. Общие идейно-эстетические программы объединяли единомышленников, служили критериями при создании произведений и средством их отбора для публикации. Критика осуществлялась также по принципам групповой принадлежности: в произведении обнаруживались те или иные программные черты, которые критик оспаривал или разделял. Очевидно, что сверхтекстовые явления — сборники и альманахи, представлявшие коллективное лицо и общие принципы той или иной литературной группы, — играли важную роль.

Русские формалисты, разрабатывавшие теорию новых жанров, писали о коллективных изданиях 1920-х гг. как о «произведении», «большой» форме: «Журналы, альманахи существовали и до нашего времени, но только в наше время они сознаются своеобразным “литературным произведением”, “литературным фактом”» [12. С. 257]; «Журнал может существовать теперь только как своеобразная литературная форма. Он должен держаться не только интересом отдельных частей, а интересом их связи» [13. С. 528–529].

В творчестве Содружества писателей революции «Перевал» находим примеры создания такой «большой формы». С 1923 по 1928 г. «Перевал» ежегодно издавал одноименные сборники, в 1930 г. вышел сборник «Ровесники» «с подзаголовком, подчеркивающим все ту же (имеется в виду изначальная программа группы. — У. В., А. О.) установку на человечность, противопоставленную начавшейся борьбе за разъединение людей: “Содружество писателей революции ‘Перевал’”» [2. С. 338]. Антология «Перевальцы» занимает особое место в этом ряду. Это издание, хотя и названное в предисловии «первой попыткой выразить художественную сущность перевальского движения» [10. С. 8], стало, по сути, итоговым. Сам выбор антологии как вида издания подчеркивал его значимость и отличал его от более распространенных групповых сборников и альманахов, а также отделял от предшествующих сборников самого «Перевала». Кроме того, усилившаяся критика, нацеленная на унификацию литературного движения, не предполагала продолжения полемики, что стало очевидно после выхода антологии. В 1932 г. был выпущен еще один сборник «Ровесники», и объединение прекратило свое существование.

Коллективные издания «Перевала», призванные, как и издания других групп, отражать программные установки, имеют свою специфику, связанную не только с программными особенностями. Они включали в себя и стихи, и прозу, чьи состав и соотношение менялись. И только перевальцы составили и издали такое редкое в 1920-х гг. произведение «большого» жанра, как антология.

Распространенным коллективным изданием, представляющим литературную группу, был журнал. «Кузница», «Октябрь», «На литературном посту», «ЛЕФ» являлись так называемыми печатными органами одноименных писательских объединений. «Перевал» также поначалу существовал при журнале «Красная новь» [9. С. 3].

Журналы или издательства возникали в 1920-х гг. в определенных целях и имели свою программу. Среди них были не только узкогрупповые. Например, издательство артели писателей «Круг», выпускавшее одноименные альманахи (1923–1927), публиковало также сборники других объединений: конструктивистов («Госплан литературы», 1925), «Перевала» (4-й сборник 1926 г.). Журнал «Красная новь» представлял собой и «литературный факт» [12. С. 257], и своеобразный творческий центр [3. С. 119–120].

Сборники и альманахи выпускало издательство «Молодая гвардия». Одноименная группа объединяла «октябrevичей» (Л. Троицкий) — «комсомольских» прозаиков и поэтов. Этот внешний, внелитературный признак тем не менее концептуализировался и самими членами групп, и критиками (напр., [5]). Коллективные издания группы сопровождалась статьями, декларациями, в которых формулировались основы совместного творчества: сборники «Под знаком комсомола» (1923 и 1924), «Молодогвардеец. Трехлетие писателей группы “Молодая гвардия”» (1926), «Молодняк» (1927), альманахи «Молодогвардейцы» (1924), «Молодость» (1927 г. — кн. 1, 1929 г. — кн. 2) и др.

Такая коллективность была призвана подчеркнуть новизну явления, его массовость, компенсировала отсутствие индивидуально-авторского новаторства в эстетическом измерении.

Значимость явления, его легитимация подчеркивается выходом антологии — издания, в изначальном своем значении подразумевавшего собрание лучших произведений. В 1924 г. была издана представительная антология пролетарской литературы, составленная С. Родовым, под

общей редакцией П.С. Когана¹. Эта антология, включавшая в себя и поэзию, и прозу 40 авторов, представляла современников как общность. Антология составлялась при участии самих писателей, о чем С. Родов пишет в предисловии, отмечая, что антология образована по поручению Госиздата в 1921 г. как вполне идеологический жест.

В других антологиях 1920-х гг. публиковались произведения самых разных авторов, собранные по неким внешним, внеэстетическим принципам (характерный пример — антология «Поэты наших дней» (1924), в которую вошли 88 авторов с одним-двумя стихотворениями, в том числе С. Есенин, В. Маяковский, Б. Пастернак, О. Мандельштам, С. Нельдихен, А. Ахматова, М. Кузмин, В. Хлебников, В. Ходасевич, К. Вагинов и др.) или посвященные определенной теме, в частности революции. В антологиях революционной поэзии разных лет объединялись стихи П. Беранже, В. Гюго, Н. Некрасова, М. Горького, Д. Бедного, разные переводы «Марсельезы» и, например, стихотворение Н. Тэффи «Пчелки».

На этом фоне, описанном в самых общих чертах, отличие книгоиздательской стратегии «Перевала» проявляется особенно ярко. Это объединение не имело своего журнала, лишь вначале публикуясь в «Красной нови». Впоследствии «Перевал» выпускал ежегодные коллективные сборники. Хотя и уступая журналу по периодичности (первоначально планировалось выпускать сборники раз в три месяца [9. С. 3]), эти издания более точно и полно определяли творческую программу группы, представляя собой своеобразную коллективную художественную картину мира «Перевала».

Как и другие литературные объединения, «Перевал» публиковал декларации и программные статьи. Сборники открывались творческими манифестами группы: в седьмом сборнике «Ровесники» была размещена статья А. Лежнева «Вместо пролога» с изложением литературно-общественной позиции и эстетики «Перевала», в которой критик характеризовал произведения с точки зрения соответствия коллективной программе: повесть П. Слетова «Мастерство» назвал «глубоко перевальской вещью», а повесть И. Катаева «Сердце» — ключом к перевальскому творчеству [6. С. 20].

В программных документах — декларациях, статье «Наша заявка» и письмах в Отдел печати ЦК ВКП(б) — отражено изменение самоопределения и самопозиционирования организации: от Всероссийского объединения рабоче-крестьянских писателей до Содружества писателей революции. «Перевал» создавался, как отмечал позднее А.К. Воронский, не только для борьбы с МАПП, но и как менее формальная литературная группа на более широкой социальной основе. И хотя слово «содружество» появилось в названии «Перевала» в период острых дискуссий 1929 г., уже в 1926 г. В. Наседкин писал, что «принцип литературного содружества в лучшем смысле этого слова в “Перевале” воплощен в жизнь» [7. С. 170].

Позже перевальцы сознательно отказались от определения себя как «рабоче-крестьянских» писателей, потому что за этими словами не было никакого эстетического смысла (как в случае «пролетарских писателей» или «комсомольской литературы»). В этом, очевидно, сказалось и стремление уйти от ярлыков, подчеркнуть именно художественную и историко-литературную сторону. Эволюция отражена в названиях. Последние сборники назывались не «Перевал», а «Ровесники», подчеркивая единство поколения, сложившегося за несколько лет. Это более «человеческое» название, оно о ровесниках века, страны, революции, а самоопределение организации как содружества означало отказ от социально-политических критериев.

Структурная организация сборников «Перевала» менялась. В первых двух сборниках (1923, 1924), включавших в себя соответственно 29 и 35 авторов, из них 24 и 26 поэтов, преобладала поэзия. С третьего сборника (1925) заметно изменение подхода к коллективному изданию.

¹ Во второй половине 1930-х гг. издавалась трехтомная антология «Пролетарские поэты», включавшая в себя поэзию 1895–1917 гг. Во втором и третьем томах этой антологии были опубликованы стихи перевальцев Д. Семёновского и А. Малышкина.

Выделяется трехчастная структура, преобладает проза, появляется раздел литературной критики «Переключки». Поэтов стало количественно меньше, чем прозаиков, но существенно изменилось процентное соотношение (из 22 художественных произведений 12 стихотворных, 10 прозаических), и, поскольку добавилась литературная критика (6 статей), а стихи объединились в рубрики, сам способ презентации материала зафиксировал изменение соотношения. Такая структура сохранилась в следующем сборнике, а в 1927 г. для стихов и прозы были отведены особые разделы (сборники 1926 и 1927 гг. были сравнительно малочисленные по количеству авторов). В 1928 г. стихи и прозу объединили, чтобы отделить от критики и повторяющейся в каждом сборнике рубрики «По большакам и проселкам», где публиковались в основном очерки.

Таким образом, от первоначальной стратегии коллективного сборника, включающего в себя большое число авторов, «Перевал» перешел к выстраиванию структуры сверткста: имя автора включалось в жанровую или тематическую рубрику, в определенное единство, и самих имен с 1926 г. становилось меньше. Последний выпуск 1928 г. получил определение «литературно-художественный альманах», что намечало изменения, происходящие в направлении большей сплоченности материала и концептуальной целостности. В отличие от «сборника», подразумевающего включение «всего» и на целостность не претендующего, альманах — это серийное издание с определенной концепцией.

Тем не менее перевальцы отказались от выпуска альманаха, продолжив свои коллективные издания как сборники. В предисловии А. Лежнева к первому выпуску говорилось об эволюции объединения, в том числе и об отходе от первоначальной массовости и сознательном «стягивании своих рядов» [б. С. 10]. «Перевал», по мнению критика, может претендовать на статус литературной школы как «школы-направления», объединенной «общей философией искусства, эстетическим мировоззрением, одинаковой общественной устремленностью» [Там же. С. 11], что отличает ее от школы, основанной на сходстве формальных приемов. Эта декларация вкупе с неизменно важной для группы идеей «искренности» делает название сборника многозначным: «Ровесники» — это дети своего времени, объединенные общим видением эпохи. К 1930 г. уже выкристаллизовалась определенная общность, сформировалось литературное поколение.

В сборник вошли произведения 15 авторов, рубрикация отсутствовала, была восстановлена традиция включать не только одно произведение, а несколько стихов одного поэта или стихотворение и рассказ, как в случае Н. Зарудина. Такая структура возвращала идею первенства автора, авторской индивидуальности, а стихи и проза присутствовали в первых «Ровесниках» примерно поровну: 8 прозаических произведений, 12 стихотворных. По объему проза преобладала: в сборник вошли не только рассказы и очерки, но и повести («Мастерство» П. Слетова целиком, «Сыновья» Б. Губера с подзаголовком «Начало повести»).

Антология «Перевальцы», вышедшая в том же году, следовала тенденциям количественно-го уменьшения имен, программной ясности, формирования авторской индивидуальности. Издание, самим своим статусом претендующее на значительность, отвечало программной декларации «Перевала» об апелляции к литературной традиции в противовес литературной конъюнктуре и формальной новизне. Выход антологии был важным свидетельством того, что литературная школа, о которой было сказано и в предисловии к «Ровесникам», и — почти в тех же выражениях — в предисловии к антологии, действительно сложилась.

Антологию открывает «Состав Содружества писателей революции “Перевал”», что отличает ее от других коллективных изданий. Вступительная статья («Вместо предисловия») начинается цитатой из «Исповеди сына века» А. де Мюссе, где говорится о безвременье между прошлым и будущим, неопределенности, когда юношам остается лишь настоящее, «дух века». Выбрав эпиграфом пессимистические слова Мюссе, авторы (скорее всего, предисловие написано от лица группы) тем не менее оптимистичны:

Война окончилась! Кесарь умер! Да и все наши первые страницы написаны сейчас же после грозных исторических битв, страницы нашей скромной литературы перевернуты еще доносящимся дыханием боев, и мы идем по семенам и по праху. И наша юность еще тревожнее, ибо Кесарь еще жив и по-прежнему «прошлое страстно глядится в грядущее»! [10. С. 8].

Эта двойственность, промежуточность соотносятся с названием группы «Перевал», и в целом весь короткий вступительный текст говорит о промежуточности между прошлым и будущим, о формировании поколения — «братьев по времени, по вере». «Перевальцы», как и «Ровесники», представлены как общность, состоящая не только из творческих единомышленников, но и — здесь уже это предельно ясно подчеркнуто эпиграфом — из «детей века».

Цель издания антологии заявлена также ясно: «Необходимость еще теснее сплотить свои ряды, выступить перед читателем плечом к плечу и дать ему хотя бы некоторое представление о своем творческом коллективном лице заставила нас выпустить эту общую “перевальскую” книгу» [Там же. С. 9]. «Еще теснее», т.е. сокращение числа авторов и участников сборников было осознанной стратегией, а «плечом к плечу» здесь не только расхожая метафора единства, учитывая, что в конце 1929-го — начале 1930 г. критика «Перевала» перешла в масштабную, фактически разгромную дискуссию, в ходе которой перевальцам предъявлены уже политические обвинения: «мелкобуржуазные настроения», «гуманизм», аполитичность в искусстве. Очередной сборник «Ровесники» и антология «Перевальцы» были и репликами в бескомпромиссном споре, и поводом для новой волны критики. Первого апреля 1930 г. И. Катаев писал отцу: «С половины марта началась свирепая кампания в печати против нашего “Перевала” в связи с выходом двух его последних сборников» [4. С. 12].

Формирование авторской индивидуальности, как уже говорилось, являвшееся тенденцией коллективных изданий «Перевала», в антологии выразилось в укрупненном представлении каждого автора — рассказами, фрагментами повестей или романов, поэтов — подборками. Всего в антологию вошли произведения 25 авторов: 17 прозаиков и 8 поэтов. Количественно примерно столько же, сколько входило и в сборники, но сам принцип составления коллективного целого за счет увеличения числа произведений одного автора в антологии совсем иной. Заметно стремление к выровненности не по числу произведений, а по объему в общем издании: каждому автору, будь то прозаик или поэт, отведено в антологии 10–20 страниц. Такого паритета не было ни в одном из сборников, а в «Ровесниках» того же года диспропорция очень велика: например, рассказ И. Катаева «Молоко», открывающий художественную часть «Ровесников», занимает 40 страниц, поэты Г. Глинка и А. Соловьев представлены небольшими стихотворениями, во вторых (и последних) «Ровесниках» весь первый раздел, более двухсот страниц, отведен роману Н. Зарудина «Тридцать ночей на винограднике».

Подбор произведений в антологии вполне репрезентативен и для того, чтобы можно было составить представление о каждом перевальце в отдельности и об общем направлении, просматриваемом в каждом тексте. При этом очевидна установка на отбор «лучшего» — уже признанного, прошедшего читательский и редакторский отбор, т.е. определенную проверку временем. Перевальцы считали прозу своим «наиболее сильным участком» и всегда открывали коллективные издания прозаическими произведениями [11]. И в антологии первым стал рассказ А. Малышкина «Поезд на юг», написанный в 1925 г. и многократно переиздававшийся. В этом рассказе лучше всего был передан «порыв к счастью» [8. С. 398] — пафос, определявший и все творчество А. Малышкина в целом. Сама сюжетная ситуация рассказа — движение, дорога на юг, еще только предвкушение впечатлений — подразумевает открытый финал. Герой находится между прошлым, о котором он постоянно вспоминает, и будущим, которого еще не достиг, и это перекликается не только с программной декларацией антологии, но и с творческим принципом перевальцев — «движничеством», изображением движения революции во времени [10. С. 10–30].

Даже в случае, когда в антологии публиковался фрагмент, он соотносился с общим направлением, и последовательность текстов позволяет говорить о присутствии внутреннего сюжета, внутренней

связи между авторами, прозаиками и поэтами. Так, после «Поезда на юг» А. Малышкина в антологии следует рассказ Б. Губера «Известная Шурка Шапкина», давший название авторскому сборнику рассказов 1927 г., и фрагмент автобиографической повести А. Воронского «За живой и мертвой водой», озаглавленный «Две жизни». В каждом случае перед нами эпизод, представляющий героев в пороговых ситуациях: герой Б. Губера в финале чувствует умиротворение и счастье, хотя и не получает ответа на вопрос, не дававший ему покоя: почему же все-таки Шурка «известная», а герой А. Воронского, похоронив сестру, завершает это воспоминание надеждой на новое бессмертие, на возможную сказку, когда «не станет жить человек одним произрастанием» [Там же. С. 62]. И в финале всего лишь появление кошки дает герою понимание того, что же такое жизнь:

Да... жизнь, это — когда есть теплота, мягкость, движение, можно приложить руку к груди, почувствовать, как ровно и мерно бьется сердце, ощутить удары пульса, можно закрыть и раскрыть глаза, тепло и влажно дышать, пережить прикосновение чужого живого тела — величайший дар из даров, самое дорогое и самое священное [Там же].

Ощущение внутреннего сюжета позволяет прочитать как продолжение этой мысли рассказ Л. Завадовского «Железный круг» (заметим, также заглавный в авторской книге 1929 г.), героями которого являются не люди, а семейство волков.

Далее в антологии даны две стихотворные подборки — Д. Семёновского и Н. Зарудина, открывающиеся репрезентативными для каждого поэта текстами. В случае Д. Семёновского это стихотворение «Голубой мост», провозглашающее единство человека и природы (эта идея абсолютно главенствует в поэзии Д. Семёновского). Подборка Н. Зарудина, поэта, склонного к трагедийно-пессимистическому мировосприятию, начинается стихотворением «Пришли, увели, расстреляли...», а завершается более светлым «Наедине с морем». К 1930 г. Н. Зарудин был известен как поэт, автор двух книг стихов. Его прозаические произведения стали появляться только в конце 1920-х гг., в сборник «Ровесники» (1930) был включен рассказ «Древность», а роман Н. Зарудина, заявивший о новом, прозаическом периоде его творчества, «Тридцать ночей на винограднике» вошел в «Ровесники» (1932) как инициальный, наиболее значительный текст. В антологии, подчеркнем, Н. Зарудин был представлен как поэт, уже утвердившийся в этом писательском амплуа, однако завершающее подборку стихотворение «Наедине с морем» (1929) — своеобразный пролог к его позднейшей лирической прозе. Таким образом, в антологии представлен итог творчества Н. Зарудина-поэта.

И проза, и поэзия перевальцев обладают ярко выраженным «я». Это свойство становится особенно заметно в коллективном издании, в определенном соседстве текстов. В «Перевальцах» присутствие автобиографической прозы не просто ощутимо — оно подчеркнуто горизонтальными связями большого сверткестового единства. От автобиографического фрагмента А. Воронского через большие поэтические подборки сюжет антологии приходит к очерку М. Пришвина «Охота за счастьем» с подзаголовком «Рассказ из моей жизни». Кроме автобиографизма, здесь подхватывается и мотив охоты, уже представленный в «Железном круге» Л. Завадовского и выведенный в рассказе М. Пришвина на уровень экзистенциальный: «Все это я рассказал, чтобы рассеять относительно охоты предрассудок, будто это просто забава. Для меня охота была средством возвращаться к себе самому, временами кормиться ею и воспитывать своих детей бодрыми и радостными» [Там же. С. 127]. Автобиографические зарисовки представляют собой фрагменты из цикла М. Барсукова «Жестокие рассказы», мотив охоты является сюжетообразующим в рассказе И. Касаткина «Лоси».

Целый ряд переключек связывает в антологии поэзию и прозу. Это обращение к природе (в том числе достаточно частотные зимние мотивы), воспоминания о Гражданской войне в прозе А. Малышкина, М. Мирова, А. Новикова, стихах Н. Зарудина, Е. Эркина, мотивы народной, сельской жизни в стихах П. Дружинина, М. Скуратова, прозе А. Новикова, И. Касаткина, Р. Акулышина, Е. Вихрева, А. Хованской (А.С. Гоффеншефер). Последние произведения, очевидно, продолжили рубрику сборников «Перевала» «По большакам и проселкам», где публиковалась такая проза; в антологии они составили большую заключительную часть. К ней же можно отнести и стихи А. Саргиджана (С.П. Бородина) с восточными мотивами.

Баланс поэзии и прозы, продуманная структура мотивов и параллелей, отбор произведений (репрезентативных для автора и отвечающих общей концепции антологии) — эти признаки выстроены сверхтекстового единства заданы составительским и редакторским замыслом. По законам циклизации, в том числе неавторской, количество смыслов прирастает с включением текстов в разнообразные переключки, поэтому антологию можно прочитывать нелинейно. Во многих произведениях, даже фрагментах, изъятых из повестей и романов, в финале говорится о будущем, т.е. художественное время произведений соотносится с программным предисловием. Также ясно обозначено преобладание первого лица, лиризм стихов и прозы перевальцев. Но можно обратить внимание и на определенное соотношение мотивов путешествия, города и деревни, людей разных поколений, женских образов, природных метафор и др.

Антологию отличает от сборников то, что под одной обложкой объединены самые характерные произведения писателей с их художественными находками и приемами, незаметными в других коллективных изданиях, составленных с другой целью. Важную роль в этом сыграла и составительская установка на представление не только коллективного, но и индивидуально-авторского лица.

Если бы история «Перевала» продолжилась, антологию можно было бы назвать по аналогии с книгой стихов в судьбе поэта дебютной, этапной, итоговой [1. С. 11–12, 248–377]. Вполне вероятно, что, несмотря на полемику и критику, теоретики «Перевала» с оптимизмом смотрели в будущее; об этом свидетельствует хотя бы выпуск «Ровесников» (1932) уже после дискуссии в Комакадемии. Некоторые авторы, чьи произведения вошли в антологию, не были постоянными участниками Содружества, кто-то только входил в литературу (П. Павленко, М. Мирон, Е. Вихрев). Это свидетельствует о важности эстетической общности при отборе произведений, т.е. все сказанное о формировании литературной школы уже нашло воплощение в издании 1930 г.

В конце антологии дана библиография по всем авторам с указанием, с какого года автор публикуется и какие книги изданы или готовятся к печати, а в случае отсутствия книг перечисляются журналы, в которых появлялись публикации. Эта библиография расширяет рамки антологии, позволяя получить сведения о том, что сделано каждым автором, как давно он в литературе.

На фоне большого количества новых имен, отсутствия художественных критериев в условиях подъема массовой литературы 1920-х гг. антология «Перевальцы» является изданием, представляющим собой «коллективное лицо» литературного объединения не как простую сумму, а в соответствии с четкими эстетическими принципами и представлением о «лучшем» и важнейшем, что и отражает композиция книги.

Литература

1. Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси / Н.В. Барковская, У.Ю. Верина, Л.Д. Гутрина, В.Ю. Жибуль. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. 674 с.
2. Беляя Г.А. Дон Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. М.: Сов. писатель, 1989. 395 с.
3. Воронский А. Мистер Бритлинг пьет чашу до дна. М.: Круг, 1927. С. 119–120.
4. Катаев И. По горло был занят организацией «Литературной газеты» // Литературная газета. 2002. № 22 (5879). С. 12.
5. Коган П.С. Пролетарская литература. Иваново-Вознесенск: Основа, 1926. 114 с.
6. Лежнев А. Вместо пролога // Ровесники: сб. Содружества писателей революции «Перевал». М.; Л.: Земля и фабрика, 1930. С. 5–20.
7. Наседкин В. К двухлетию «Перевала» // Перевал: сб. 4. М.: Круг, 1925. С. 165–171.

References

1. Kniga stikhov kak fenomen kul'tury Rossii i Belarusi / N.V. Barkovskaya, U.Yu. Verina, L.D. Gutrina, V.Yu. Zhibul'. Moscow, Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2016. 674 s.
2. Belaya G.A. Don Kikhoty 20-kh godov: "Pereval" i sud'ba ego idei. Moscow: Sov. pisatel', 1989. 395 s.
3. Voronsky A. Mister Britling p'et chashu do dna. Moscow: Krug, 1927. S. 119–120.
4. Kataev I. Po gorlo byl zaniat organizatsiei "Literaturnoi gazety" // Literaturnaia gazeta. 2002. No. 22 (5879). S. 12.
5. Kogan P.S. Proletarskaia literatura. Ivanovo-Voznesensk: Osнова, 1926. 114 s.
6. Lezhnev A. Vmesto prologa // Rovesniki: sb. Sodruzhestva pisatelei revoliutsii "Pereval". Moscow; Leningrad: Zemlia i fabrika, 1930. S. 5–20.
7. Nasedkin V. K dvukhletiiu "Perevala" // Pereval: sb. 4. Moscow: Krug, 1925. S. 165–171.

8. Паустовский К.Г. Малышкин // Собрание сочинений: в 9 т. / К.Г. Паустовский. Т. 7: Сказки. Очерки. Литературные портреты. М.: Худож. лит., 1983. С. 397–399.

9. Перевал. Сб. 1. М.: ГИЗ, 1923.

10. Перевальцы: антология: Содружество писателей революции «Перевал» / ред. Н. Зарудин. М.: Федерация, 1930. 368 с.

11. Тезисы отчета фракции ВКП(б) о Содружестве писателей «Перевал» // РГАЛИ. Ф. 1787. Оп. 151. Л. 4.

12. Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино/ Ю.Н. Тынянов. М., 1977. С. 255–270.

13. Шкловский В.Б. Журнал как литературная форма // Собрание сочинений / В.Б. Шкловский. Т. 1: Революция. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 528–529.

8. Paustovsky K.G. Malyskin // Sbranie sochinenii: v 9 t. / K.G. Paustovsky. T. 7: Skazki. Ocherki. Literaturnye portrety. Moscow: Khudozh. lit., 1983. S. 397–399.

9. Pereval. Sb. 1. Moscow: GIZ, 1923.

10. Pereval'tsy: antologiya: Sodruzhestvo pisatelei revoliutsii "Pereval" / red. N. Zarudin. Moscow: Federatsiia, 1930. 368 s.

11. Tezisy otcheta fraktsii VKP(b) o Sodruzhestve pisatelei "Pereval" // RGALI. F. 1787. Op. 151. L. 4.

12. Tynyanov Yu.N. Literaturnyi fakt // Poetika. Istoriia literatury. Kino / Yu.N. Tynyanov. Moscow, 1977. S. 255–270.

13. Shklovsky V.B. Zhurnal kak literaturnaia forma // Sbranie sochinenii / V.B. Shklovsky. T. 1: Revoliutsiia. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. S. 528–529.

Верина Ульяна Юрьевна,
доктор филологических наук,
доцент кафедры истории белорусской
литературы
Белорусский государственный
университет

Verina Ulyana Yu.,
Doctor of Philology,
Associate Professor of the History
of Belarusian Literature Department
Belarusian State University

e-mail: verina14@rambler.ru

Овчаренко Алексей Юрьевич,
доктор филологических наук,
доцент Института русского языка
Российский университет дружбы
народов

Ovcharenko Alexey Yu.,
Doctor of Philology,
Associate Professor of the Institute
of Russian Language
Peoples' Friendship University
of Russia

e-mail: ovtcharenko-1959@yandex.ru

